

СОЦИАЛЬНАЯ ЭВОЛЮЦИЯ БЮРОКРАТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В НАЧАЛЕ XX в.

THE SOCIAL EVOLUTION OF THE BUREAUCRATIC ELITE OF RUSSIAN EMPIRE IN XX CENTURY

S. Kulikov

Annotation

The article considers the social evolution of the bureaucratic elite of Russian Empire. The author focuses on the analysis of the results of this process from the point of the view of such important aspects as the social origin of the officials, their prosperity condition and educational level.

Keywords: Russian Empire, bureaucratic elite, social evolution.

Куликов Сергей Викторович
к.ист.н., старший научный сотрудник
Санкт-Петербургского Института
истории РАН

Аннотация

В статье рассматривается социальная эволюция бюрократической элиты Российской империи. Особое внимание уделяется анализу итогов этого процесса с точки зрения таких важных аспектов, как социальное происхождение чиновников, имущественное положение и образовательный уровень.

Ключевые слова:

Российская империя, бюрократическая элита, социальная эволюция.

Социальная эволюция бюрократической элиты Российской империи второй половины XIX – начала XX в. изучена явно недостаточно, поскольку отечественные и зарубежные исследования этой темы обрываются на 1914 г. В историографии имеется только две статьи [1, с. 3–46; 2, с. 63–86], специально посвященные поставленным проблемам.

Формально бюрократическую элиту составляли чиновники, занимавшие должности первых четырех классов. Лидирующее положение среди них занимали сановники, образовывавшие субэлиту: они не только занимали высокое положение в иерархии власти, но и принимали окончательные решения, выражая политическую волю "верхов". В эту группу входили представители трех отраслей высшей власти: законодательной (назначенные члены Государственного совета), исполнительной (министры, их товарищи (заместители) и директора департаментов) и судебной (сенаторы). В Российской империи правящая элита практически полностью совпадала с высшим слоем бюрократии. "Даже до введения в России конституционного образа правления, – констатировал последний царский министр финансов П.Л. Барк, – русские монархи, хотя и были самодержцами, чрезвычайно редко проявляли самодержавную волю в важных вопросах государственного управления. Собственно говоря, Россия управлялась бюрократической машиной, и монархи обычно руководились в своих решениях докладами, которые разрабатывались отдельными министрами и представлялись на утверждение верховной власти" [3, с. 103]. Вплоть до 1917 г. Российская империя была наиболее типичным примером бюрократической империи, в том смысле, в каком это понятие употреблял С. Хантинг-

тон, отличая ее от абсолютной монархии [4, с. 155].

Доминирование бюрократии над остальными факторами исторического процесса и жесткая иерархичность государственной власти, характерная для дореволюционной России, приводили к тому, что эта элита являлась поистине квинтэссенцией старого порядка, в большей степени, чем какая-либо иная элита, оказывая решающее влияние не только внутри сферы своей компетенции, но и далеко за ее пределами. Ключевая роль бюрократической элиты в политической системе Российской империи предопределялась и тем, что сам император Николай II являлся ее венцом, выступая в роли высшего чиновника Империи. "Император – отмечал кадетский государствовед барон Б.Э. Нольде – был высшим чиновником, дальше которого некуда было посылать бумаги на подпись, и который с воспитанной традицией аккуратностью и точностью давал свою подпись и венчал, таким образом, бюрократическую иерархию" [5, с. 542]. В России начала XX в. бюрократизация верховного управления достигла наивысшей степени, и роль интегрирующего фактора стала играть не царская власть, олицетворяемая Императорским двором, а бюрократическая элита [6, с. 21–108]. Что же представляли собой главные категории бюрократической элиты к 23 февраля 1917 г.?

Необходимо, прежде всего, развенчать миф о дворянско-помещичьем засилье, сохранявшемся, якобы, вплоть до падения монархии. Между тем, характеризуя ситуацию даже не кануна 1917 г., а рубежа XIX – начала XX в., камергер В.Б. Лопухин писал: "Некогда был в России правящим дворянский класс. Но в описываемые годы дворянство как сословная организация перестало су-

ществовать. Процесс дворянского оскудения в эти годы уже завершился – подозревавшаяся, но в момент ее наступления оставшаяся не замеченной современниками смертью сословия. Производившиеся попытки его оживить были потому именно безрезультатны, что производились не над умирающим, а над трупом" [7, с. 81]. На 23 февраля 1917 г. по своему происхождению большинство представителей бюрократической элиты формально принадлежали к потомственному дворянству. На уровне высшей столичной бюрократии недворяне составляли одну шестую членов Государственного совета, две пятых министров, треть товарищей министров и директоров департаментов, одну пятую сенаторов. На уровне высшей провинциальной бюрократии они образовывали четверть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, одну десятую вице-губернаторов, более трети председателей судебных палат и окружных судов. Недворяне доминировали только среди управляющих казенными палатами и акцизными сборами (две трети). Среди послов и посланников они составляли одну седьмую [8, с. 439]. Налицо, как будто бы, слабая вертикальная мобильность и циркуляция элит и, как их следствие, небольшая демократизированность бюрократической элиты, но это только видимость.

Дворянская прослойка бюрократической элиты была крайне неоднородна, на что уже обращалось внимание в новейшей историографии [9, с. 73]. Во-первых, эта прослойка включала в себя представителей старого, допетровского дворянства. Они образовывали явное большинство только среди губернаторов, вице-губернаторов и дипломатов. Особая подгруппа, титулованная аристократия, составляла внутри всех категорий стабильное меньшинство [10, с. 440]. Барк указывал, подразумевая начало XX в., на "абсолютное отсутствие влияния на ход дел нашей аристократии", расценивая данный факт как "отрицательное явление", поскольку "славянская душа не была связана старинными традициями и дисциплиной, как в других странах, например в Англии" [11, с. 451]. Кстати, Барк, вошедший, уже в эмиграции, в финансовую элиту Англии, хорошо знал об особенностях ее политической культуры.

Дворянская прослойка включала в себя и представителей нового дворянства, т.е. потомков лиц, которые выступили дворянское достоинство. Новые дворяне принадлежали к потомственному дворянству только формально. В октябре 1906 г. специалисты по дворянскому вопросу выделили элементы, "не только не однородные" с поместным дворянством, но "подчас и прямо враждебные, как не связанные классовым интересом". К этим элементам оказался отнесенным "интеллигентный пролетариат", состоящий из дворян, "вошедших в сословие за "выслугу лет" их родителей, или в бюрократических должностях, или в духовном сане" [12, с. 230]. Фактически новые дворяне являлись представителями потомственного чиновничества и офицерства, разночинцами. Большинство министров царствования Николая II, по на-

блюдениям выборного члена Государственного совета В.И. Гурко, "не принадлежало ни к дворянскому, ни к землевладельческому классу": "все были из разночинцев, никто не принадлежал к знати" [13, с. 248]. Как отмечал последний государственный секретарь С.Е. Крыжановский, "все высшее чиновничество, не исключая и министров, слагалось по преимуществу из лиц невысокого происхождения" [14, с. 116]. Согласно Барку, "главное влияние в нашем правительстве имели самородки (селф-мед-мен)" [15, с. 451]. Разночинцы к 1917 г. составляли треть членов Государственного совета, одну десятую министров, одну пятую товарищей министров и директоров департаментов, почти треть сенаторов, треть генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, одну пятую вице-губернаторов, одну десятую управляющих казенными палатами и акцизными сборами, четверть председателей судебных палат и окружных судов и одну десятую послов и посланников [16, с. 440].

Неоднородной была не только дворянская прослойка, но и входившая в нее подгруппа старых дворян, которую образовывали помещики и безземельные сановники – последних помещики не считали "своими". В мае 1906 г. В.Н. Ознобишин заявил, что "истинное дворянство поместное, живущее на земле, ничего общего не имеет с теми дворянами, которые наполняют петербургские канцелярии и которые никакими традициями с поместным дворянством не связаны" [17, с. 49]. К 1917 г. безземельные старые дворяне составляли одну пятую членов Государственного совета, треть министров, четверть товарищей министров, директоров департаментов, сенаторов, генерал-губернаторов, губернаторов и градоначальников, две пятых вице-губернаторов, около четверти управляющих казенными палатами и акцизными сборами, одну пятую председателей судебных палат и окружных судов и две пятых дипломатов [18, с. 440]. Безземельные дворяне как бы выпадали из своей страны. По наблюдениям прогрессиста князя С.Е. Трубецкого, представители дворянства, не имевшие поместий, теряли характерные черты "служилого сословия" [19, с. 117]. Безземельные дворяне пополняли ряды интеллигенции. В октябре 1906 г. специалисты отнесли к "интеллигентному пролетариату" "дворян, не владеющих и никогда не владевших поместьями", а потому разделили дворянство "на две части с противоположными интересами: на класс поместного дворянства (консервативный) и на класс дворян интеллигентов-пролетариев (радикальный и даже революционный)" [20, с. 230, 238]. В 1908 г. эксперты констатировали, что с потерей земли "высший класс" "обратился бы всецело в так называемую интеллигенцию" [21, с. 849]. Потомственные дворяне, "порвавшие связь с землевладением, – указывал кадетский историк А.М. Ону, – слились с интеллигенцией" [22, с. 19]. Следовательно, безземельные дворяне, как старые, так и новые, принадлежали не к дворянству, а к интеллигенции с точки зрения не только консерваторов, но и оппозиционеров.

На 23 февраля 1917 г. внутри всех категорий бюро-

кратической элиты землевладельцы составляли меньшинство, за ними шли домо- и заводовладельцы. Среди землевладельцев доминировали мелко- и среднепоместные дворяне. Владельцы крупных поместий были крайне немногочисленны. Большинство сановников почти всех категорий (кроме генерал-губернаторов) не обладали недвижимой собственностью [23, с. 442 – 443]. "Наросла оторвавшаяся от дворянского землевладения сильная бюрократия", – писал в своих воспоминаниях В.Б. Лопухин [24, с. 81]. Для безземельных сановников основным источником существования являлась государственная служба. Как указывал В.И. Гурко, "средствами даже крупное чиновничество совсем не обладало и жило исключительно на получаемое жалованье" [25, с. 244]. Вопреки марксистскому стереотипу, к 1917 г. Россией правили не дворяне-помещики, а бюрократы-профессионалы, являвшиеся настоящими интеллигентами.

Отсутствие у сановников земли слабо компенсировалось их участием в частнопредпринимательской деятельности, во-первых, из-за последовавшего еще в 1884 г. запрета совмещения высших должностей государственной и частной службы, а во-вторых, по причине ментального порядка. Представители бюрократической элиты разделяли мнение о предпринимательской деятельности, как о чем-то второсортном и даже недостойном [26, с. 218–235; 27, с. 79–85]. Московский предприниматель и прогрессист П.А. Бурыйшкн удивлялся, что "до самой революции в некоторой части ... крупного чиновничества было необычайно презрительное отношение ... к самой промышленности и торговле" [28, с. 296–297]. В основе презрительного отношения к предпринимательству лежало представление о неизбывной порочности денег и всего, что с ними связано. Данное представление, прививавшееся с самого детства, влияло на стиль последующей жизни намного сильнее, чем навыки, приобретенные позже. Граф П.А. Граббе вспоминал, что родители приучали его к тому, что "нельзя на людях в открытую обсуждать, что сколько стоит". По наблюдениям Граббе, "вообще упоминать о деньгах считалось неприличным. Это дурной тон. Торговаться при покупке считалось вульгарным. Торговцы пользовались репутацией сомнительных людей" [29, с. 30]. Антиденежный пафос ментальности высшей бюрократии роднил ее с интеллигенцией, для которой также был характерен культ бессеребренничества.

Зависимость уровня жизни представителей бюрократической элиты от жалованья не вела к усилению ее коррумпированности, вследствие высоких окладов содержания сановников. Система российской государственности начала XX в., подчеркивал датчанин К.А. Кофод, "порождала, конечно, коррупцию, но эта коррупция почти никогда не выходила за пределы отдельных ведомств. И русские ни в коей мере не были коррумпированы больше других наций" [30, с. 255]. Царские министры периода Первой мировой войны имели, пожалуй, самую плохую репутацию, в том числе и по части бескорыстия. Однако,

как вспоминал следователь Чрезвычайной следственной комиссии Временного правительства А.Ф. Романов, революционному правительству "не удалось не только осудить деятелей прежней власти, но, несмотря на самое горячее желание и энергию, даже и обнаружить хотя бы намеки на те тяжкие преступления, которые приписывались ей так называемым общественным мнением" [31, с. 37, 38].

Новые дворяне и безземельные старые дворяне по своему социальному статусу были ближе к недворянам, а не к старым дворянам, обладавшим землей. Поэтому первых трех целесообразно соединить в одну прослойку. К 1917 г. недворяне, новые дворяне и безземельные старые дворяне среди всех категорий бюрократической элиты составляли подавляющее большинство: две трети членов Государственного совета, четыре пятых министров и товарищей министров и директоров департаментов, три четверти сенаторов, более половины генерал-губернаторов, губернаторов, и градоначальников, две трети вице-губернаторов, 96% управляющих казенными палатами и акцизными сборами, четыре пятых председателей судебных палат и окружных судов и две трети послов и посланников [32, с. 440].

Следовательно, накануне падения царизма степень вертикальной мобильности и циркуляции элит, а значит – и демократизированности бюрократической элиты, на самом деле была весьма высокой. "Россия в смысле возможности восхождения к власти отдельных лиц, – подчеркивал С. Е. Крыжановский, – была страной едва ли не самой демократической, и управление Империи было наименее классовым" [33, с. 116]. Отметив, какую малую роль играло происхождение при назначениях на высшие государственные должности в России начала XX в., октябрист барон А.Ф. Мейендорф заключал: "Российская империя была самой демократической монархией в мире" [34, с. 512]. В свою очередь, П.Л. Барк писал А.Н. Яхонтову, что "ни одна страна не была столь демократична, как Россия", поскольку в ней "все карьеры были открыты талантам и энергии, начиная со Сперанского и кончая графом Витте и Кривошеиным" [35, с. 451]. "Выдающееся положение занимали в ней, – подразумевая царскую бюрократию в целом, указывал Лопухин, – многочисленные выходцы из других сословий. Сословных перегородок на гражданской службе не существовало, поскольку бюрократии было жизненно необходимо привлечение талантов" [36, с. 81]. В связи с этим причиной Февральской революции можно считать не закрытость бюрократической элиты, а ее чрезмерную открытость – она привела к усилению социальной гетерогенности правящей верхушки и ослаблению силы сопротивления бюрократической элиты натиску общественной контрэлиты.

С интеллигенцией высшую бюрократию роднило и то, что подавляющее большинство сановников являлись выпускниками вузов, среди которых лидировали выпускники университетов. Четверть от общего числа представи-

телей высшей столичной бюрократии были выпускниками Петербургского университета, а более одной шестой – выпускниками его Юридического факультета [37, с. 172]. К началу XX в. именно высшее образование, а не сословное происхождение стало главной предпосылкой бюрократической карьеры. Как отмечала кадетская функционерка А.В. Тыркова, "образование и способности открывали в России путь к любой службе. Несмотря на неосторожные слова министра народного просвещения И.Д. Делянова, что кухаркиным детям не к чему давать образование, гимназии и университеты были всеобщими. Получив диплом, можно было высоко подняться по бюрократической лестнице" [38, с. 241]. Образовательный ценз бюрократической элиты отличался высоким уровнем даже по сравнению с остальными группами образованного общества. Современники, вхожие как в бюрократические, так и в интеллигентские круги, а значит – имевшие возможность для компетентного сравнения потенциала тех и других, отдавали пальму первенства бюрократической элите.

Камергер И.И. Тхоржевский, вспоминая о своих, относящихся к началу XX в., впечатлениях от руководящего состава государственных учреждений того времени, подчеркивал, что те круги высшей бюрократии, с которыми он соприкасался, "сразу показались" ему "самыми культурными" [39, с. 31]. Характеризуя состав Государственного совета, его выборный член и академик М.М. Ковалевский писал в 1914 г., что "бюрократические элементы" верхней палаты "по уму, талантливости, знанию и практическому опыту выигрывают от сравнения с общественными" [40, с. 91]. Гурко считал, что "служба правительственная поглощала почти без остатка все, что было лучшего в стране, как в смысле умственном, так и нравственном" [41, с. 241, 242]. В этой связи особое значение приобретает проблема отношений власти и науки в предреволюционной России [42, с. 112–137; 43, с. 44–65]. Персональные отношения между ними протекали в рамках трех идеальных типов.

Первый тип, "ученого во власти", аккумулировал индивидуальные особенности профессиональных ученых, разменявших чисто научную карьеру на карьеру административную либо судебную. Поставщиками представителей этого типа были университеты, присуждавшие ученые степени кандидата, магистра и доктора. Сановники, имевшие ученые степени (настоящие, а не купленные!), начиная с низшей из них – кандидата, среди назначенных членов Государственного совета составляли более трети, среди министров и товарищей министров и директоров департаментов – более двух пятых, среди сенаторов – около половины [44, с. 60]. Массированное пополнение бюрократической элиты представителями науки началось на рубеже XIX – XX вв. "В Государственной канцелярии, кроме представителей русской знати, – характеризовал это время Тхоржевский, – было уже немало и людей моего типа, т.е. прошедших высшую научную школу и приобретших в ней, кроме знаний, привычку быстро и

объективно разбираться в сложных вопросах. Служилый Петербург, как бы предчувствуя предстоящую ему преобразовательную работу, уже запасался людьми: стягивал к себе, обирая профессуру, свежие умственные силы" [45, с. 32]. Наблюдавшийся в начале XX в. наплыв ученых во власть был беспрецедентно широк. Профессор И.Я. Гурлянд, редактор столыпинского официоза "Россия", даже утверждал, что в оппозиции остались не профессора, а "полупрофессора", так как, якобы, в ее рядах "подвизаются именно наименее серьезные ученые силы" [46, с. 51]. Тип "ученого во власти" внутри бюрократической элиты к 1917 г. стал одним из наиболее распространенных, оказывая огромное влияние на формирование нового имиджа царского бюрократа.

Следующий тип – "несостоявшегося ученого", обобщавший индивидуальные черты сановников, имевших ментальность ученого, которую в силу тех или иных чисто внешних причин они не актуализировали до конца. К научному сообществу они принадлежали, но не по формальному статусу, а именно по ментальности. Третий идеальный тип – "просвещенного сановника", доставшийся в наследство от XIX в., являлся некой золотой серединой между типами, рассмотренными выше. С одной стороны, подобного рода сановники не были связаны с наукой формально, с другой, занимаясь ею на досуге, – вносили в нее вполне реальный вклад. Поскольку под рассмотренные идеальные типы подпадало подавляющее большинство представителей бюрократической элиты, имеются основания для вывода о том, что, подобно тому, как научное сообщество вследствие своей государственности являлось подсистемой царской бюрократии, в свою очередь, она через бюрократическую элиту была подсистемой научного сообщества. Внутри высшей бюрократии юристы преобладали над остальными гуманитариями, а гуманитарии над технократами, составлявшими, в отличие от общественной контрэлиты, ничтожное меньшинство [47, с. 66–70]. Российская монархия начала XX в. являлась формой политического доминирования гуманитарной научной субкультуры над технократической, а одной из причин Февральской революции был конфликт между ними.

К 1917 г., в результате социальной эволюции бюрократической элиты, с точки зрения значимых показателей (сословное происхождение, имущественное положение, образовательный уровень), она стала частью "служилой интеллигенции", которая пребывала в составе российской интеллигенции и ранее вмещала в себя только среднее и низшее чиновничество [48, с. 24–28]. Впрочем, традиционно считается, что интеллигенция, или, используя термины элитизма, общественная контрэлита, противостояла самодержавию, а значит – бюрократической элите. Однако это мнение грешит политизированностью. "Интеллигенцию, – писал известный земский деятель И.И. Петрункевич, – объединяют интересы умственные, образование, специальные знания, занятие наукой, литературой, искусством, все то, что носит название сво-

бодной профессии" [49, с. 152]. Согласно деполитизированному определению, сановники, как носители специальных, управленческих знаний, были настоящими интеллигентами. С интеллигенцией бюрократическую элиту идентифицировали совершенно разные наблюдатели, в том числе и сами сановники. В.С. Глинка–Янчевская писала А.С. Стеткевичу в январе 1915 г., что "наш правящий класс ... воистину стал каким-то интернациональным интеллигентом" [50, с. 120]. "Русский чиновник и интеллигент, – отмечал английский журналист Р. Вильтон, – были братьями той же семьи" [51, с. 386]. Последние царские министры земледелия и путей сообщения А.А. Риттих и Э.Б. Войновский–Кригер, первый – относил к "нашей интеллигенции последних 50 лет" и "тех, кто стоял на верхах управления" [52, с. 432], а второй, происшедший из потомственных дворян, полагал, что по своему социальному положению принадлежит "к громадному большинству русской интеллигенции" [53, с. 9].

Взаимопроникновение бюрократической элиты и интеллигенции было вполне естественно и предопределялось обстоятельствами функционального порядка. В системе российской государственности начала XX в., при аморфности социальных страт и слабости связей между ними, царский режим являлся едва ли не единственной несущей конструкцией, а потому нуждался в компенсации своей уникальности принципом не количества, а качества. "Никакому другому правительству, – подразумевая царское правительство, подчеркивал французский посол Ж.М. Палеолог в 1916 г., – не нужны в такой степени интеллигентность, честность, мудрость, дух порядка, предвидение, талант; дело в том, что вне царского строя, т.е. вне его административной олигархии, ничего нет: ни контролирующего механизма, ни автономных ячеек, ни прочно установленных партий, ни социальных группировок, никакой легальной или бытовой организации общественной воли" [54, с. 245]. Впрочем, бюрократическая элита была весьма специфической частью интеллигенции, частью, выделявшейся на ментальном уровне чет-

ким отождествлением общего блага и государственного интереса. В совмещении этих идеалов сановники, в отличие от остальных интеллигентов, не видели никакого противоречия. "Я, – вспоминал сенатор С.В. Завадский, – всегда думал, что работа чиновника – если он честен, прилежен и не глуп, – не пустяки, а важное дело, существенно необходимое для России, при мало развитой самостоятельности ее общественных кругов" [55, с. 27]. Наблюдавшееся в начале XX в. вхождение бюрократической элиты в состав российской интеллигенции привело к появлению качественно нового типа сановника, в корне отличного от типов, преобладавших в XIX в. Как отмечала А.В. Тыркова, "жизнь брала свое, и мало-помалу выработался новый тип чиновника, честного, преданного делу, не похожего на тех уродов дореформенной России, которых описывали Гоголь и Щедрин. Мы их оценили только тогда, когда революция разогнала и искоренила старый служильный класс" [56, с. 240].

Из-за принадлежности к интеллигенции к 1917 г. бюрократическая элита обеспечивала политическое господство интеллигенции. Согласно плану, составленному в июне 1916 г. графом А.А. Бобринским, И.Я. Гурляндом и Б.В. Штюмером, вершителями судеб тогдашнего правительства курса, в будущей V Государственной думе было предположено предоставить 50 мест – инородцам, 50–70 – представителям банков и торгово-промышленных кругов, по 80 – крестьянам и священникам и целых 200 – именно "интеллигенции" [57, с. 245]. Следовательно, еще одной причиной Февральской революции можно считать не вертикальную, а горизонтальную поляризацию, т.е. конфликт не между российской интеллигенцией и царской бюрократией, а между разными слоями этой интеллигенции, покрывавшей собой все сегменты партийного спектра, с крайне правого до крайне левого, концентрируясь, естественно, наиболее густо в либеральной нише. Таковы парадоксы, с которыми мы сталкиваемся при изучении социальной эволюции бюрократической элиты Российской империи и итогов этого процесса.

ЛИТЕРАТУРА

1. Куликов С.В. Социальный облик высшей бюрократии России накануне Февральской революции. // Из глубины времен. 1995. Вып. 5. С. 3–46.
2. Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во второй половине XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения). // Проблемы социально-экономической и политической истории России. XIX – XX вв. СПб.: "Алетейя", 1999. С. 63–86.
3. Барк П.Л. Воспоминания // Возрождение. 1966. Кн. 173. С. 96–109.
4. Хантингтон С. Политический порядок в меняющихся обществах. М.: "Прогресс-Традиция", 2004. 480 с.
5. Нольде Б.Э. Из истории русской катастрофы // Современные записки. 1927. Кн. 30. С. 537–550.
6. Куликов С.В. Высшая царская бюрократия и Императорский двор накануне падения монархии. // Из глубины времен. 1999. Вып. 11. С. 21–108.
7. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента МИДа. СПб.: "Нестор-История", 2008. 540 с.
8. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
9. Дубенцов Б.Б., Куликов С.В. Социальная эволюция высшей царской бюрократии во вт. пол. XIX – начале XX в. (Итоги и перспективы изучения). // Проблемы социально-экономической и политической истории России. XIX – XX вв. СПб.: "Алетейя", 1999. С. 63–86.
10. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
11. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записки заседаний и переписка). СПб.: "Дмитрий Буланин", 1999. 560 с.
12. Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. М.: "РОССПЭН", 1998. Т. 1. 720 с.

13. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: "НЛО", 2000. 816 с.
14. Крыжановский С.Е. Воспоминания. СПб.: "РНБ", 2009. 228 с.
15. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: "Дм. Буланин", 1999. 560 с.
16. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
17. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1. 1906–1908 гг. М.: "РОССПЭН", 2001. С. 928 с.
18. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914 – 1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
19. Трубецкой С.Е. Минувшее. М.: "ДЭМ", 1991. 328 с.
20. Правые партии. Документы и материалы: в 2 т. М.: "РОССПЭН", 1998. Т. 1. 720 с.
21. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. Т. 1. 1906–1908 гг. М.: "РОССПЭН", 2001. С. 928 с.
22. Ону А.М. Загадки русского сфинкса. М.: "Ось-89", 1995. 110 с.
23. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
24. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента МИДа. СПб.: "Нестор–История", 2008. 540 с.
25. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: "НЛО", 2000. 816 с.
26. Куликов С.В. "Необычайно презрительное отношение к самой промышленности и торговле". Придворные и предприниматели в начале XX в. // История глазами историков. СПб., Пушкин, 2002. С. 218–235.
27. Куликов С.В. Придворный штат и частное предпринимательство в начале XX в. // Страницы российской истории. Проблемы, события, люди. СПб., 2003. С. 79–85.
28. Бурый П.А. Москва купеческая. М.: "Высшая школа", 1991. 352 с.
29. Граббе П.А. Окна на Неву. Мои юные годы в России. СПб.: "Иванов и Лещинский", 1995. 206 с.
30. Кофод К. 50 лет в России. 1878–1920. М.: "Права человека", 1997. 352 с.
31. Романов А.Ф. Император Николай II и его правительство (по данным Чрезвычайной следственной комиссии). // Русская летопись. 1922. Кн. 2. С. 20–40.
32. Куликов С.В. Бюрократическая элита Российской империи накануне падения старого порядка (1914–1917). Рязань: "НРИИД", 2004. 472 с.
33. Крыжановский С.Е. Воспоминания. СПб.: "РНБ", 2009. 228 с.
34. Ольденбург С.С. Царствование императора Николая II. СПб.: "Петрополь", 1991. 644 с.
35. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: "Дмитрий Буланин", 1999. 560 с.
36. Лопухин В.Б. Записки бывшего директора Департамента МИДа. СПб.: "Нестор–История", 2008. 540 с.
37. Куликов С.В. Высшая царская бюрократия как элемент социальной структуры предреволюционного Петрограда // Петербургские чтения – 96. Материалы энциклопедической библиотеки "Санкт–Петербург – 2003". СПб., 1996. С. 171–173.
38. Тыркова А.В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М.: "Слово", 1998. 560 с.
39. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: "Алетейя", 1999. 256 с.
40. Ковалевский М.М. Воспоминания // История СССР. 1969. № 5. С. 76–101.
41. Гурко В.И. Черты и силуэты прошлого. Правительство и общественность в царствование Николая II в изображении современника. М.: "НЛО", 2000. 816 с.
42. Куликов С.В. Власть науки и наука власти в России начале XX в. // Россия XXI. 2001. № 5. С. 112 – 137.
43. Там же. № 6. С. 44 – 65.
44. Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений. // Власть и наука, ученые и власть: 1880–е – начало 1912–х гг. Материалы международного научного colloquium. СПб.: "Дм. Буланин", 2003. 530 с.
45. Тхоржевский И.И. Последний Петербург. Воспоминания камергера. СПб.: "Алетейя", 1999. 256 с.
46. Васильев Н.П. (Гурлянд И.Я.) "Оппозиция". СПб., 1910. 60 с.
47. Куликов С.В. Царская бюрократия и научное сообщество в начале XX в.: закономерности и типы отношений. // Власть и наука, ученые и власть: 1880–е – начало 1912–х гг. Материалы международного научного colloquium. СПб.: "Дм. Буланин", 2003. 530 с.
48. Куликов С.В. Российская интеллигенция и высшая царская бюрократия в начале XX в. // Российская интеллигенция на историческом переломе. Первая треть XX в. Тезисы докладов и сообщений научной конференции. С.–Петербург, 19–20 марта 1996 г. СПб., 1996. С. 24–28.
49. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля. Воспоминания // Архив русской революции. 1934. Т. 21. С. 5–472.
50. Переписка правых и другие материалы об их деятельности в 1914 – 1917 гг. // Вопросы истории. 1996. № 1. С. 113–133.
51. Вильтон Р. Последние дни Романовых // Последние дни Романовых. М.: "Книга", 1991. С. 363–476.
52. Совет министров Российской империи в годы Первой мировой войны. Бумаги А.Н. Яхонтова (записи заседаний и переписка). СПб.: "Дм. Буланин", 1999. 560 с.
53. Кригер–Войновский Э.Б. Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции. Спроге В.Э. Записки инженера. М.: "Русский путь", 1999. С. 5–130.
54. Палеолог Ж.М. Дневник посла. М.: "Захаров", 2003. 832 с.
55. Завадский С.В. На великом изломе (Отчет гражданина о пережитом в 1916–1917 гг.). // Архив русской революции. 1923. Т. 8. С. 5–42.
56. Тыркова А.В. То, чего больше не будет. На путях к свободе. М.: "Слово", 1998. 560 с.
57. Монархия перед крушением. 1914–1917. Бумаги Николая II и другие документы. М.; Л.: "Государственное издательство", 1927. С. 223–245.